

Три ведьмака и демон сидели вокруг небольшого костра, скрестив ноги и молча, словно проводили сеанс. Элли и Ламберт только что закончили рассказывать двоим свои истории о лешенах, водяных ведьмах и наемниках; В выступлениях Ламберта много нецензурной лексики, но Элли к этому уже привыкла. Пока молчание затянулось, Геральт и Эскель обменялись одним из своих позорных взглядов, седовласый ведьмак поднял бровь, глядя на своего друга.

Эскель издал длинный, тихий свисток, нарушив неуютную тишину. «Это настоящее приключение, Ламберт. Из всех людей ты был бы последним, на кого я бы поставил, что связаешься в такую неразбериху.

Пока они сидели и разговаривали, Элли заметила, что термин «брат» был не просто способом обозначения коллег-ведьмаков, это было очень верно в случае с тремя мужчинами, сидевшими с ней. Эскель и Геральт были старшими братьями в духе слегка отстраненного младшего брата Ламберта. Всякий раз, когда он говорил, двое других переглядывались и ухмылялись, провоцируя раздражение молодого ведьмака. Однако, несмотря на все их поддразнивания и уговоры Ламберта, между ними существовала связь, дружеское подшучивание, благодаря которому его обычно резкие реплики в разговоре с друзьями стали гораздо менее колкими.

Теперь он пристально посмотрел на Эскеля, его полный рот сложился в презрительную линию. — Когда ты перестанешь смеяться надо мной, могу я напомнить тебе о серьезности моего положения. Кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем Гаэтан вернется и заберет ее, и теперь наши имена наверняка будут в его дерьмовом списке.

Геральт слегка пожал плечами. «Он не знает, кто мы и что она. К тому же он всего лишь один ведьмак, а нас трое.

«Ему не понадобится много времени, чтобы понять, кто мы такие, не учитывая, что твой гребанный друг-бард поет о твоих грубых подвигах отсюда до Скеллиге». Ламберт кисло посмотрел на огонь. — Кроме того, мне не очень-то хочется начинать убивать других ведьмаков, если в этом нет необходимости. Нас и так слишком мало.

Группу охватило мрачное настроение, и Элли с любопытством наблюдала за мужчинами. Чем больше она узнавала об этом мире, о монстрах и людях, населяющих его, тем больше ей хотелось знать. Сходство между ее миром и этим было более многочисленным, чем она думала раньше, и, возможно, если бы она присмотрелась достаточно внимательно, это могло бы дать ключ к пониманию того, почему ее привели сюда.

— Думаешь, отвезти ее в Каэр Морхен — лучшая идея? — спросил Эскель. — Весемиру это может не понравиться.

«К черту этого старого придурка». - резко сказал Ламберт, и оба его друга с неодобрительным выражением лица выпрямились. — Она никому не причинит вреда, а если и сделает... ну, как только что сказал Геральт, нас трое. Он покосился на Элли, свет огня заплескал в его глазах, и медленная, зловещая дрожь пробежала по ее спине. Именно в тот момент, когда она сидела на темной поляне и смотрела на нее тремя парами кошачьих глаз, она действительно почувствовала угрозу в присутствии профессиональных охотников на монстров.

— Тогда мы отвезем демона в Каэр Морхен. — сказал Геральт, его взгляд был немного более напряженным, чем у двух других. Элли подняла палец, в горле у нее пересохло больше, чем ей хотелось бы.

«Полудемон». Она ответила уклончиво.

«Уравнение не имеет значения». — сказал Геральт, его каменное выражение лица никогда не менялось.

'Да, это так.' – коротко сказал Ламберт, удивив их обоих. Он пристально посмотрел на брата. 'Это важно.' Элли одарила его растерянным, но благодарным взглядом. Он ответил на него загадочным взглядом, слишком кратким, чтобы она могла понять, о чем он думает.

— Мы поедem с тобой. Мы все равно направлялись туда. — сказал Эскель, разрушая странное напряжение, возникшее между ними. Он одарил Элли извиняющейся улыбкой, и она решила, что он определенно ее любимец.

— Хорошо, если это прекратит твоё нытьё. А теперь, если вы, дамы, не возражаете, я собираюсь немного отдохнуть, прежде чем мы отправимся в путь. Ламберт встал и направился к своей постели, разложенной в стороне от огня. Эскель потер шею, покачивая плечами.

— Думаю, я тоже. Ты должен первым присмотреть за Геральтом? Седовласый ведьмак торжественно кивнул и принял позу, стоя на коленях. Пока она смотрела, он обнажил свои мечи и положил их на землю перед собой. Затем, бросив на нее последний подозрительный взгляд, он склонил голову и закрыл глаза, легко положив руки на бедра. Эскель подождал, пока он закончит, прежде чем взглянуть на Элли. 'Все нормально. Он может чувствовать, что что-то приближается к нам. Ты тоже можешь немного закрыть глаза, прежде чем мы уйдем.

«Не беспокойтесь. Она не спит. Едкий комментарий прозвучал из-за спины явно спящего Ламберта. Теперь настала очередь Элли извиняюще улыбнуться Эскелю.

— Он прав, я не сплю. Но спасибо за заботу. Спящий Ламберт громко и саркастически фыркнул, а Эскель ухмыльнулся, подмигнув ей. Элли подавила смешок.

— Мы ненадолго пробудем. Хочется как можно скорее отправиться в путь. Составь ей компанию, Геральт. — дружелюбно сказал он, похлопав друга по плечу.

Геральт тихо пробормотал: «Хмм». Даже не удосуживаясь открыть глаза, Эскель отправился спать. Элли подождала, пока двое мужчин не начали издавать спорадический храп и глубоко дышать во сне. Она с любопытством рассматривала своего молчаливого партнера по костру. Он выглядел так, будто медитировал. Поза слишком неудобна, чтобы он тоже мог спать. Кроме того, было ощущение, что он осознает себя, подобно пауку, который, по-видимому, не обращает внимания на муху, парящую в его паутине, пока не становится слишком поздно... для мухи.

Полагая, что ей не удастся добиться от своего нового компаньона интересного разговора, она тихо вздохнула. Изменив свое положение, Элли положила руки на скрещенные колени ладонями вверх. Затем, закрыв глаза, она погрузилась в бессознательное состояние.

— Если ты будешь постоянно отвлекаться, ты никогда этого не сделаешь, малыш.

Слегка приоткрыв глаза, Элли посмотрела на Соломона, его морщинистое лицо застыло в выражении неодобрения. Она откинула голову назад, издав стон.

«Но я пытался вечно, но мне не удалось добиться появления даже шарнира». Он посмотрел на нее укоризненно, положив руки на бедра и глядя на нее сверху вниз. Она сидела на полу, скрестив ноги, положив руки ладонями вверх на колени.

«Чтобы вызвать дверь из ничего, нужны умение, терпение и, самое главное... практика». Пока он говорил, Элли повторяла его слова идеально синхронно. Она слышала это достаточно раз.

Соломон резко шлепнул ее по затылку, от чего у нее во рту застучали зубы. «Я вижу, как ты снова меня дерзишь, и я дам тебе больше, чем просто пощечину». В его голосе звучало предупреждение, и Элли быстро протрезвела, потеряла затылок, ее взгляд остановился на одном из шести его смертоносных пистолетов, спрятанных под пальто.

— А теперь... снова закрой глаза и постарайся очистить свой разум от всего, кроме двери. Она повиновалась своему наставнику, хотя жгучая боль, исходившая теперь из ее головы, не приносила ей никакой пользы. Она глубоко вздохнула и сосредоточилась ни на чем конкретном. Твердый каменный пол под ней превратился в ничто вместе с отдаленными звуками тренировок других Привратников где-то в комплексе. Внушительное присутствие Соломона Шеду тоже растворилось в тени, пока не осталась только она, парящая в космосе. Наконец, она начала отделять свой разум от тела. Позволяя своим чувствам сосредоточиться на тонкой завесе между мирами, выявляя ее слабость. Не используя физических рук, Элли нащупала завесу в поисках характерного препятствия, которое указывало, где находится дверь; ворота между мирами.

Не заставляйте, не заставляйте. — повторила она, позволяя своим чувствам коснуться шелковисто-гладкой текстуры вуали. Вот... несовершенство, загвоздка. Элли ухватила за него, схватив его своим разумом. Медленно и осторожно она начала его тянуть. Ее настоящие руки поднялись с колен, большой и указательный пальцы сведены вместе, как будто что-то держали. Постепенно она подняла их выше, вытаскивая невидимое что-то, словно из мешка.

Нежно нежно. Коряга росла, становясь шире. В ее воображении дверь начала обретать форму. Это была старомодная дверь с панельным фасадом. По дизайну они были похожи на те, которые она видела в старых величественных домах, когда была ребенком. Воспоминания о том, как ее родители тащили ее по историческим зданиям, глядя на восковые манекены, похожие на прошлых обитателей. Мебель сильно пахнет плесенью и дезинфицирующими средствами. Ей никогда не нравились эти манекены, они смотрели на нее пустыми глазами. Безжизненные существа без души. Действительно иронично. В одно мгновение дверь выскользнула из ее рук. В одну минуту оно было там, призрачное видение, парящее перед ней. В следующий раз оно исчезло.

— В тот раз ты был ближе. Голос Соломона вывел ее из транса. Нахмурившись, она посмотрела на свои пустые руки, на то место перед собой, где дверь была такой же пустой. — Ты позволил своим воспоминаниям снова мутить воду, не так ли?

Элли посмотрела на него, ее глаза сузились. «Это не то, что я могу контролировать. Я вижу дверь, и она мне что-то напоминает».

Соломон покачал рогатой головой, и она увидела, как его хвост в отчаянии дергается из-под длинного пальто. — Ты пытаешься взломать ворота, малыш. На данном этапе достаточно просто найти дверь, не беспокойтесь о ее местонахождении».

Элли озадаченно посмотрела на него, от разницы в высоте у нее повредила шея. «Но какой смысл делать дверь, если я не знаю, куда она ведет?»

Ее наставник положил отцовскую руку ей на голову, взъерошив волосы. «Большую часть времени мы не знаем, куда он идет, нам просто нужно верить, что он приведет нас туда, где нам нужно быть».

Она сидела, скрестив ноги, с закрытыми глазами. Идеальная пародия на Геральта, медитировавшего напротив нее. Ее руки были положены вверх на колени, большой и

указательный пальцы каждого сжаты вместе, как будто она что-то хватала. Странный фирменный знак на ее запястье слегка светился. Слабый синий оттенок, потрескивавший невидимой энергией. Медальон Ламберта вздрогнул в ответ на это.

Осторожно он вытянул ногу и ткнул ее в колено. «Эй, Голубые глаза, просыпайтесь».

Не открывая глаз, она прошептала ему уголком рта. 'Я не сплю.'

— Тогда открой свои чертовы глаза и встань. Мы уезжаем. - возразил он, обращаясь к брату. «Ты тоже белый волк. Вверх и к ним.

Он услышал, как Геральт тихо вздохнул, стоя на коленях на земле, но уже пошел прочь, чтобы разобраться с Шлюхом. Он спал недолго, и то небольшое, что у него было, было преследовано очень тревожными снами. Он бежал через темный лес не от чего-то, а к нему. Его ноги устали и медленно двигались, легкие горели, но мысль об остановке заставила ледяную руку страха сжаться вокруг его сердца. Вдалеке он услышал крики и чей-то крик, и хотя он никогда не слышал, чтобы она издавала этот звук в реальной жизни, он знал, что это были Голубые глаза. С мечом в руке он помчался в ее направлении, но как бы быстро или долго он ни бежал, он так и не добрался до нее. Он проснулся сразу после рассвета, в его ушах все еще звенел звук ее криков.

Его и без того угрюмое настроение испортилось с той секунды, как он проверил седло своего коня и постарался не смотреть на готовящуюся девушку позади него. Он чувствовал, как Эскель время от времени смотрит на него, но проигнорировал очевидное беспокойство друга, он не хотел никому рассказывать о своих подсознательных страхах. Привязав свою постель к спине лошади, он сел в седло, наблюдая за продвижением остальной части своей группы.

Геральт тоже садился на Плотву, гнедая кобыла лениво покачала головой. Эскель тусил огонь и в последний раз прочесывал лагерь, запихивая в рот остатки своего скудного завтрака. Ламберт внезапно почувствовал, как у него упало сердце, поскольку один из членов их группы, похоже, отсутствовал. Его глаза блеснули по поляне, и он повернулся в седле, ища позади себя. Он обнаружил, что она стоит в тени заброшенного фермерского дома, сложив руки перед собой, с неловким выражением лица. Упираясь каблуками в бока Урисона, он подошел к ней, его самообладание вышло из-под контроля от внезапного испуга.

— Что ты здесь прячешься? Нам нужно уйти до того, как за нами погонится половина Новиграда. Она посмотрела на него своими раздражающими голубыми глазами, на маленькую морщинку, появившуюся между ее бровями.

'Я думал. Возможно, мне стоит попытаться снова вернуться в свой мир. Кажется, все, что я делаю, это навлекая на тебя опасность и неприятности. Я больше не хочу быть проблемой». Ламберт натянул поводья, успокаивая танцующие копыта коня. Нахмурившись, глядя на девушку, он снова почувствовал, как его тянет в живот.

'Вы делаете. Но что, если ты не сможешь вернуться и тогда Гаэтан придет искать тебя или кого-то еще. Ты действительно хочешь застрять здесь навечно, просто чтобы уберечь меня от неприятностей? Я ведьмак Голубоглазый, с тобой или без тебя беда меня найдет. Он протянул ей руку. Она посмотрела на него, и на один ужасный момент он подумал, что вместо этого она собирается убежать в лес. Эхо ее криков из его кошмара всплыло на поверхность. Затем, глубоко вздохнув, она сказала что-то настолько тихое, что ему пришлось напрячься, чтобы услышать это. Это звучало как: «Он доставит нас туда, где нам нужно быть», но он не мог понять смысла этих слов до тех пор, пока она не вложила свою руку в его, и он не потянул ее за

собой в седло.

На этот раз они были готовы к неприятному ощущению, возникающему от близости. Тем не менее, благодаря острым глазам Геральта и Эскеля, которые теперь были с ними, Ламберт прекрасно осознавал, как участилось его сердцебиение в тот момент, когда ее спина прижалась к нему. Его ладони стали липкими, когда сильный запах ее волос ударил в его нос, а открытая кожа ее ног покраснела, когда он обхватил ее руками, чтобы схватить поводья.

'Готовый?' – хрипло спросил он. Взгляд Геральта метнулся к нему. Голубые глаза чуть-чуть сдвинулись, пытаясь дать ему больше места, но при этом лишь потерлись ее задом о его пах. Он откашлялся, почувствовав, как у него свело желудок, и она ответила высоким голосом: «Конечно».

Трудно было сказать, с какой стороны он смотрел, но он был уверен, что увидел Эскеля, хихикающего рядом с очень заинтересованным Геральтом. Стиснув челюсти, он толкнул Уорсона ровной рысью и повел группу от фермерского дома обратно к главной дороге. Если бы он остался впереди, он, надеюсь, смог бы скрыть влияние девушки на него. Боже, это было чертовски глупо. Если бы это было какое-то нормальное обстоятельство и она была бы любой нормальной девушкой, он бы уже уложил ее в постель и выкинул бы это из своего организма. Но это не было обычным обстоятельством, и она определенно не была нормальной девушкой. Он видел, как она голыми руками отбивалась от водяной ведьмы, видел, как она приручила грифона одним лишь добрым словом и тканью, а теперь он видел, как она отправила ведьмака в полет, шокировав его какой-то неизвестной силой молнии.

Когда они вернулись в город, Ламберт с благодарностью повернул лошадь от Новиграда и рыбацкого поселения на Понтаре. Уезжает в пустыню вместе со своими братьями. Некоторые из местных жителей бросили взгляды на проезжавшую мимо процессию ведьмаков, на одной из лошадей которых сидела молодая, скудно одетая девушка. Без сомнения, языки будут болтать, и слухи будут распространяться, но он намеревался оказаться далеко, когда они достигнут ушей Гаэтана или других любопытных.

Выехав из города, Ламберт пустил лошадь галопом, крепче держась за Голубые глаза, чтобы она не ускользнула от неожиданного движения. В момент слабости, когда солнце светило ему в спину, а братья позади, он воспользовался изменением темпа, чтобы наклониться вперед. Его подбородок коснулся лица девушки, ее запах усилился, когда его нос скользнул по ее уху. Он полностью ожидал, что она отпрянет от контакта, но на короткое мгновение она прижалась к нему, плотно прижавшись щекой к его подбородку. Она глубоко вздохнула, чувствуя его запах, как будто он владел ею, затем, прежде чем он успел осознать, что происходит или как быстро билось его сердце, она отстранилась. Это было не резкое движение, как будто он ее отталкивал, оно было медленнее, решительнее. Ему просто хотелось, чтобы она вернулась, место, где их кожа соприкасалась, покалывало, когда звук приближающегося топота копыт заставил его выпрямиться и принять правильное положение для верховой езды.

«Эй, а где пожарный Ламберт?» Ты ведь не собираешься всю дорогу промчаться галопом? Рядом с ним появился Эскель, его покрытый шрамами рот растянулся в улыбке. Ламберт кинул на него злобный взгляд, но его вмешательство не понравилось.

Но к чему бы это привело, идиот? Лучше всего игнорировать влечение, а не подпитывать его.

«Нет, я просто хочу держаться на некотором расстоянии между нами и этим дерьмовым городом». Наконец он ответил, хотя и замедлил Уорсона, вернув его на быструю рысь. Эскель сделал то же самое со Скорпионом, и после паузы Роуч подскочил к Ламберту с другой

стороны, всегда стоический Геральт по отношению к ним обоим.

— Гонка уже окончена, не так ли? - сказал он необычно саркастичным тоном. Ламберт пробормотал себе под нос, не отрывая глаз от дороги, а не от раздражающих братьев. Он был благодарен им за помощь в сопровождении его проблемного пассажира, но предпочел бы, чтобы они не были такими наблюдательными.

'Так как тебя зовут? Я думаю, это не «Голубые глаза». Девушка повернула голову и посмотрела на Эскеля, от чего ее волосы зашевелились ему подбородок.

«Нет, меня зовут Элеонора, но ты можешь звать меня Элли». Боковым зрением он увидел, как Эскель наклонил голову.

— Странное имя для демона, извините, полудемона. Кажется немного... обычным. Голубые глаза издали легкий смешок, звук которого раздражал Ламберта. Он несколько раз слышал ее смех, но сейчас все было по-другому. Это было беззаботно и радостно, звук автоматически заставлял его чувствовать себя счастливее внутри. Он почувствовал, как напряглась его челюсть. Почему именно Эскель заставил ее так смеяться?

Потому что ты озлобленный и грубый засранец, вот почему. Он отбросил эту мысль на задний план и постарался сдержаться во время их невинного разговора.

— Это потому, что мои человеческие родители дали мне имя. Если бы я родился демоном, у меня было бы другое имя, возможно, более библейское. Всех демонов, которых я знаю, зовут примерно так: Енох, Бессердечный и... Соломон. Пока она говорила свою обычную тарабарщину, возникла небольшая пауза, прежде чем она произнесла фамилию, которая привлекла внимание Ламберта. Нотка боли в ее голосе, как будто ей было больно даже говорить это.

— Ты очень... честен для демона. Я думал, ты не захочешь поделиться с нами столь многим».

'Почему нет? Вы помогаете мне, меньшее, что я могу сделать, это ответить на ваши вопросы. Эскель усмехнулся в ответ.

— Это напомнило мне, я хотел спросить, как ты сделал эту штуку с молнией? Услышав этот вопрос, Ламберт выпрямился и увидел, что даже обычно отстраненный и хладнокровный Геральт наклонился ближе к происходящему разговору. Голубые глаза на мгновение замерли, и он почти подумал, что она вот-вот нарушит свое обещание отвечать на каждый вопрос; затем она заговорила. Ее голос стал чуть более осторожным, чем секунду назад.

«Я наполовину демон, но конкретно я наполовину Шеду. Это тип демона бури. Я могу в определенной степени управлять погодой, хотя специализируюсь на молниях».

На мгновение воцарилась тишина, пока все трое ведьмаков обрабатывали информацию. Ламберт никогда не слышал ни о каких штормовых демонах, управляющих погодой, и понятия не имел, что такое Шеду. Но если то, что она сказала, было правдой, то в девушке, сидевшей перед ним, было гораздо больше, чем он предполагал раньше.

— Почему ты никогда мне этого не говорил? — внезапно сказал он, его голос был резким и с оттенком ревности. Ламберт был горд, и тот факт, что Эскель выманил этот кусок информации из своего пленника, серьезно его разозлил. Она слегка повернулась в седле, чтобы посмотреть на него, и он старался не концентрироваться на том, что с ним сделало ее голое прикосновение к его ноге.

— Потому что ты никогда не спрашивал. Знаешь, вежливый разговор иногда тебя не убьет. Теперь Эскель как следует рассмеялся. Звук терзал нервы Ламберта, как точильный камень по лезвию.

— Он у вас там. Видишь ли, Ламберт, быть любезным время от времени, возможно, того стоит. Взгляда, который он бросил на брата, было достаточно, чтобы истощить лешеня, но Эскель только засмеялся еще сильнее. С другой стороны он услышал тихое, неодобрительное «Хммм», и ему потребовались все силы, чтобы не взорваться. Если этого было недостаточно, он мог видеть, как голубые глаза все еще смотрят на него, и широкая улыбка на ее лице. О, ей это нравилось, не так ли? Он увидит, как долго это продлится, когда снова заставит ее бежать за ним.

Эскель все еще шел, когда дорога, по которой они шли, начала вплетаться в небольшой участок берез. Дорога сузилась, и они были вынуждены перестроиться гуськом. Ламберт снова взял на себя инициативу, но слышал позади себя хихиканье Эскеля.

'Ага-ага. Смейся, клоун. Я по-прежнему получаю больше действий, чем ты за год».

— Это потому, что ты им платишь, придурок. Эскелю удалось пошутить сквозь хрипы. Ламберт уже собирался начать тотальную войну оскорблений со своим другом, когда почувствовал, как твердая рука схватила его за запястье.

'Останавливаться.' — резко сказали Голубые глаза. Серьезность ее голоса заставила его немедленно остановить Уорсона. Смех Эскеля внезапно оборвался, когда он увидел, как Ламберт остановился посреди дороги.

'Как дела?' — спросил он, но Ламберт сосредоточился на девушке, сидевшей перед ним. Она пристально смотрела на деревья, ее голубые глаза были широко раскрыты и насторожены. Он мгновенно посмотрел в том же направлении, осматривая лес на предмет каких-либо признаков опасности. Он не услышал ничего необычного, только пение птиц и ветерок в листве. Однако что-то напугало ее, когда она начала пытаться высвободиться из его рук, чтобы спешиться.

«Что ты видишь, голубые глаза?» — спросил он, сцепив руки, чтобы она не могла согнуть их и убежать. Вместо того чтобы ответить ему, ее попытки стали еще более отчаянными, пока сильным толчком ей не удалось поднять его руки достаточно высоко, чтобы они выскользнули из-под ног.

'Привет! Не надо, это может быть опасно! — крикнул он, уже спешиваясь с Уорсона, чтобы последовать за ней. Он с легким приступом паники наблюдал, как она убегает за деревья. Это был его кошмар, сбывшийся. Он проверил, лежат ли его мечи на спине, и собирался бежать за ней, когда чья-то рука легла ему на плечо. Глядя на своего владельца яростным взглядом, он встретил каменное лицо белого волка чертовой Ривии.

«Спокойный Ламберт. Мы не знаем, что там.

— Именно, — сказал он, высвобождаясь из рук Геральта. — И именно поэтому мне нужно ехать, потому что, если вы не заметили, мой пассажир только что забронировал билет на те деревья.

— Ты видел, что заставило ее это сделать? — спросил Эскель, подходя к ним с уже обнаженным мечом.

«Как ни странно, я был слишком занят, пытаюсь помешать ей уйти». Он ответил, и его голос

был полон сарказма.

'Достаточно.' — сказал Геральт, медленно направляясь в направлении, куда ушла девушка-демон. — Мы вернем ее.

«Оооо, ты такой задира. Могу поспорить, дамы от этого падают в обморок. — сказал Ламберт, неохотно следуя за своим братом. Трое ведьмаков осторожно шли между раскинувшимися березами. Все они искали признаки того, что могло спровоцировать демонического подопечного бежать, не останавливаясь для объяснений. Ламберт нашел темп, заданный Геральтом, мучительным. Он ждал, когда начнутся крики, которые действительно завершат кошмар. Спустя время, которое показалось ему целой вечностью, но на самом деле это длилось около пяти минут, он уловил на ветру дуновение очень знакомого аромата. Его братья уловили тот же запах одновременно, все трое остановились как вкопанные и переглянулись.

'Грифон.' Эскель сказал тихим голосом.

— Так пахнет. - заявил Ламберт. Он не признавался им в этом, но его сердце билось быстрее, чем обычно.

«Слишком тихо». — добавил Геральт, потянув себя за бороду. Как бы Ламберт ни любил не соглашаться со старшим ведьмаком, он был прав. Даже гнездящийся грифон помечал свою территорию криком, но ничего не было. Только пение птиц и чертов ветерок.

«К черту это, я ухожу». Сказал он, и его терпение наконец-то на исходе. Он услышал тихое проклятие Геральта и вздох Эскеля, но его это уже не волновало. Сохраняя легкость шагов, он быстро двинулся между деревьями, пока запах грифона не стал самым сильным. Именно тогда он почувствовал запах крови. Горячий, металлический, свежий. На короткую секунду его сердце похолодело, затем он увидел тело зверя и гораздо меньшую фигуру девушки, стоящую рядом с ним.

Грифон был мертв. Это было очевидно для него, когда он шел к нему, главным образом из-за того, что у него не было головы. Срез был чистым и точным. Сделано чрезвычайно острым лезвием, вероятно, из серебра. Он видел, что на груди и боках трупа было несколько резаных ран, все длинные диагональные порезы, типичные для исключительно ловкого бойца. Вокруг гривы также было несколько следов ожогов, как будто кто-то стрелял в зверя огнем. Ему не потребовалось много времени, чтобы подвести итог: это была работа ведьмака.

Голубые глаза стояли возле задней части монстра, ее голова склонилась, как будто в молитве. Он подошел к ней, и его облегчение плавно перешло в гнев. «Какого черта ты думаешь, что делаешь? Ты не можешь просто сбежать в одиночку, не имея на голове контракта и ведьмаков поблизости.

Она не подняла глаз на его тираду. Ее щеки блестели от чего-то влажного, как будто она плакала, и вдруг Ламберт не знал, как реагировать. Почему она стояла посреди леса и плакала рядом с трупом грифона? Девушка не имела смысла.

— Это тот, кто ее убил? — спросила она, ее голос был густым от слез. Он моргнул, ошеломленный внезапным всплеском эмоций.

— Убил ее?

«Ведьмак. Это тот, кто убил грифона? — спросила она, гнев просачивался теперь сквозь слезы.

'Ну, да. Похоже на то. Он провел рукой по бороде, пытаясь понять, что происходит.

'И вот почему...'. Она сглотнула, ее слова изо всех сил пытались вырваться наружу. — Вот почему головы нет?

— Он бы воспринял это как доказательство того, что он убил монстра. Пытаясь понять, что происходит, он услышал, как Геральт и Эскель подошли к ним. К счастью, они держались от них на почтительном расстоянии, последнее, что ему было нужно, это то, чтобы эти двое еще больше мучили воду в этой странной ситуации.

«Она всего лишь защищала свои яйца». — Сказали голубые глаза, наконец взглянув на него. Ее глаза были красными, но синий цвет радужной оболочки был глубоким, мерцающим сапфиром. Оказавшись где-то между темно-синим гневом и небесно-голубым восторгом, который он уже успел осознать. «Она не заслужила смерти». Слова застряли у нее в горле, и она сердитым движением вытерла глаза тыльной стороной ладони. Она еще на мгновение пристально посмотрела на него, прежде чем пойти к обезглавленному концу тела. Когда она двинулась, взгляд Ламберта привлекла белая вспышка, и его внимание было привлечено к зверю. Вокруг одной из его задних кошачьих ног был обмотан рваный, запятнанный кровью кусок ткани. Он повернулся и посмотрел, как она идет туда, где в грязи лежал окровавленный обрубок ее шеи. Темная лужа начала окрашивать землю. Она опустилась на колени и положила руку на спутанную, частично опаленную гриву грифона.

«Лети высоко, мой друг. Пусть твоя душа благополучно доберется до Чистилища». Сказала она, прежде чем выпрямиться, с нечитаемым выражением лица, когда она смотрела на убитого монстра. Странная тишина воцарилась в лесу, ветерок, казалось, утих, птицы прекратили свое пение. Дрожь пробежала по спине Ламберта, и он взглянул на своих братьев, чтобы увидеть, что они испытали то же самое. Их глаза насторожились, когда они посмотрели на девушку-демона, оплакивающую мертвого грифона.

В этот момент Ламберт понял, о чем она думает, глядя на труп со смесью печали и гнева. Был высокий шанс, что именно Гаэтан покончила с жизнью грифона, и при других обстоятельствах, в другом временном графике именно она лежала бы без головы в грязи. В ее глазах грифон и она были одним целым, родственными душами, борющимися за выживание в мире, который их не понимал. Если бы она только знала, насколько схожа судьба тех, кто убил этих зверей, возможно, она посмотрела бы на него и его братьев в ином свете.

'Голубые глаза.' Сказал он тихим и настолько нежным голосом, насколько это было возможно. Она посмотрела на него, и теперь ее глаза потемнели. Праведный гнев пылал в них холодным огнем. — Нам пора идти... Извините.

Его извинения, казалось, разрушили чары. Звук донесся до леса, как будто поднимают плотину. Она моргнула, и несколько слезинок скатились по ее щекам. Вытерев их, она кивнула и в оцепенении пошла к нему. Он положил руку ей на поясницу, когда она подошла к нему, и осторожно направил ее к двум другим, с любопытством наблюдая за ними. Она только один раз оглянулась на монстра, которого спасла, а затем помолилась за него, прежде чем они вернулись к своим лошадям и продолжили свой путь к крепости Каэр Морхен.